

КУЛЬТУРА

МОНОЛОГ НАКАНУНЕ ЮБИЛЕЯ

Хочется оглянуться назад, в семидесятые, когда они появились на свет и стремительно вписались в музыкальную жизнь страны. Хочется подсчитать, сколько же неизвестных и новых сочинений они открыли отечественной публике. Хочется говорить только о приятном, например, о том, что в этом году коллектив стал академическим, а его лидер — лауреатом Госпремии. Потому что завтра у них день рождения — двадцать пятый.

Виновник торжества — Валерий Полянский и его Камерный хор. Пусть сегодня в афишах не встретится этого названия, но хор живет — одной из двух равноправных «ветвей» руководимой Полянским же Симфонической Капеллы.

Самыми безмятежными из них, наверное, были только первые годы. Мы — любители, над головой замечательная крыша — консерваторская, все молодцы и безумно увлечены хором. На четвертом году жизни мы вырвались на Международный конкурс «Гвидо д'Ареццо» — и сразу золотая и бронзовая медали. Когда спустя 14 лет я вернулся туда членом жюри, мне сказали, что второго такого хора в Ареццо с тех пор не было. С конкурсом, кстати, связана и одна из замечательных для хора встреч — с Н.Сидельниковым, который тогда специально для нас написал кантату «Сокровенны разговоры», а потом, уже в 80-х, еще две. Мне кажется, они были своего рода вспышкой в советской музыке тех лет, позволившей и другим композиторам разглядеть огромные возможности такого нежного, капризного инструмента, как хор.

Но постепенно мы выросли, появлялись семьи, надо было либо переходить на новый уровень существования — профессиональный, либо распаться. Работать на голом энтузиазме было уже невозможно. Единственное, что заставляло нас собираться вновь и вновь, — это просто феерический репертуар. Хиндемит, Пуленк, Равель, Дебюсси, Мийо — кто тогда еще это пел? Другой пласт — старинная европейская музыка. Третий — древнерусские духовные песнопения, «приведшие» нас к Бортнянскому и Березовскому, к слову сказать, тут мы не были первопроходцами, русская церковная музыка в те годы уже стала благодаря Юрлову...

Нас спасли Олимпийские игры 1980 года. В течение нескольких лет до того я писал письма в ЦК, Минкульт с просьбой дать нам профессиональный статус — безрезультатно. Но когда мы спели 15 концертов в рамках олимпий-

ской культурной программы, вопрос решился. И тут мы оказались на улице.

Вернее, между туалетом и раздевалкой на первом этаже Зала Чайковского, где и репетировали два месяца, когда нам «отказали» от консерватории. Потом поселились на короткий срок в спорткомплексе «Олимпийский». Потом занимались у меня на квартире. А в свободное от репетиций время бегали в поисках помещения. Наши — заброшенную церковь Троицы в Кожевниках.

С одной стороны, я не жалею, что пришлось ее отдать, — Богу богово. С другой стороны, обидно, потому что с нами поступили, на мой взгляд, жестоко. Пятнадцать лет назад, когда мы ее нашли, она была совершенно в диком состоянии. Мы выкачивали мазут, ломали перегородки, сколько субботников провели — не счесть! Даже когда хотели прекратить финансирование реставрационных работ, мы отстояли это дело. И когда почти все было готово, я получил от нашего уважаемого мэра распоряжение: «Отдать!» Были казаки, были нагайки. Должны были предоставить взамен помещение — представляют вот уже шестой год...

А какие были планы! База для хора и оркестра, звукозаписывающая студия, концертный зал — помешал бы Москве еще один? Я уже приобрел для них два концертных рояля, купил, как сейчас помню, за 120 рублей орган, стоявший когда-то в Малом зале (на нем еще Чайковский играл). Его надо было реставрировать — мы договорились с польской фирмой, сделали опись инструмента, составили смету и... отдали его в Музей музыкальной культуры имени Глинки, потому что денег на реставрацию было уже не найти, да и ставить некуда.

А теперь я разрываюсь между двумя репетиционными площадками. С оркестром работаю

Музыка

ВАЛЕРИЙ ПОЛЯНСКИЙ:

Культура. — 1996 —
30 нояб. — с. 13Спасибо, Господи,
за еще один день работы

на Калужской, в ДК «Меридиан», где нас держат только из жалости, — мы иногда даем там благотворительные концерты, но вечно должны за аренду, потому что и нам вечно должен Минкульт, а у порога уже стоят арендаторы совсем с другими деньгами. Перевезти инструменты из ДК в концертный зал — проблема. Зарплата — проблема, я теперь даже репетиции строю так, чтобы артисты могли подработать, как церковный праздник — все там. С инструментами тоже беда, недавно была ревизия, так нас упрекнули — много тратите на ремонт инструментов, а они не обновлялись лет двадцать, кое-какие мы даже вынуждены порой занимать у коллег. Да, у нас есть еще помещение на Пятницкой, где занимается хор. Не хотите посмотреть?

Говорят, театр начинается с вешалки. Наш дом начинается с «лестницы Раскольникова» (для тех, кто не помнит Достоевского

рию ответ один: «Завтра будет», но когда это «завтра» настанет, никто не говорит. У нас вообще происходит странная вещь: мы, то есть Капелла, живем и работаем в Москве, но никаких московских льгот, в том числе налоговых, не имеем. В какую бы столичную инстанцию ни пришли, нам говорят: вы чужие, российские. А Москва — это не Россия?.. Понимаете, я полжизни трачу на поиски помещения, на письма, на визиты к чиновникам. Наконец, на обучение своих артистов — я говорю об этом с сожалением, как парадоксально вам это ни покажется.

Хоровых певцов у нас ведь не готовят, а высочайшая хоровая культура ушла вместе с последними регентами, с последними «господами певцами», как до революции уважительно называли хористов (сегодня, к примеру, не всякий профессиональный коллектив может исполнить совершенно безумные по сложности сочинения, которые

явившаяся в череде встреч с интересными людьми. Их было немало. Скажу о двух.

Это Борис Иванович Куликов, который сделал из меня хорового дирижера. Мою идею о Камерном хоре питало, кстати, и воспоминание о его хоре, который просуществовал в консерватории всего год и в котором я пятнадцатилетним мальчишкой пел. Второй — Геннадий Николаевич Рождественский, у которого я учился в оперно-симфонической аспирантуре, а с 1980 года был вторым дирижером в оркестре Министерства культуры, которым он руководил. Ему я обязан и встречей со Шнитке, ставшей особой страницей в истории Камерного. Мы не просто исполняли все его сочинения для хора, в том числе, конечно, Концерт, нам посвященный, — с ним мы учились бороться за правду в искусстве... В 91-м мы с Геннадием Николаевичем пришли к решению, что для того, чтобы выжить, нужно объединиться.

— крутая, разбитая, покосившаяся лестница).

Еще когда мы только начали реставрировать церковь Троицы, в инспекции по охране памятников мне по секрету сказали, что на Пятницкой есть две пустые квартиры. Начал их пробыть, но длилось это так долго, что мне стало страшно — упущу. И я решил — надо занимать, ну получу административный выговор, но выгонят-то уж вряд ли. За один день въехали, врезали замки, сломали перегородки, я здесь ночевал недели две — сторожил. Через полтора месяца прибыла комиссия смотреть, давать нам это помещение или нет. Вместо стены — проем, болтаются какие-то доски, но все вымыто, и хор поет. Мужики расчувствовались: «Ну что с тобой делать!», — и подписали бумагу.

Но это помещение сразу мыслилось как временное пристанище — до тех пор, пока мы не переедем в церковь. Здесь нам тесно, здесь все старое — крыша течет, отопление не включено до сих пор, а на дворе конец ноября. Тепло — от наших собственных калориферов. На все наши звонки и телеграммы в мэ-

Танеев писал для курсов пречистенских рабочих). Да, я должен сделать свой инструмент сам, от меня зависит, как он будет звучать, а играть на нем — это уже другое, тут начинается собственно дирижерская профессия. Но я делаю свой «инструмент» все время, я все время кого-то учу заново и никак не могу работать на себя, потому что едва певец более или менее начинает меня удовлетворять — а это года три работы, — как он уходит на поиски лучшей жизни. Если б вернуть, кого мне хочется, да «приплюсовать» к тем, кто хранит верность хору уже много лет (за что я им очень благодарен), какой бы получился коллектив! Насколько быстрее мы работали бы и сколько бы интересного сотворили! Ни о чем в жизни так не жалею, как о том, что я бедный человек и не могу обеспечить своим артистам нормальных условий для творчества.

Хотя, с другой стороны, я очень богат. И счастлив. У меня есть хор и оркестр. Вся жизнь я мечтал о таком синтезе. Поэтому появление в моей жизни Симфонической Капеллы, наверное, закономерность, про-

Не могу сказать, что теперь, когда у меня есть оркестр, стало легче. Но интереснее — стало. Перспективы открываются неограниченные. Вот смотрите, я очень люблю оперу, мне даже кажется, что по сути своей я не хоровой, не симфонический, а оперный дирижер. Я ведь работал в музыкальном театре — семь лет в московской Оперетте и четыре года в Большом, вместе с Рождественским ставил «Катерину Измайлову». И я мечтаю о концертном исполнении опер у себя, в Капелле, мечтаю даже о филармоническом абонементе такого рода. Разумеется, и здесь мы встанем перед финансовыми проблемами. Но думаю, кое-что все равно сделаем. Уже подступаемся. Что это будет? Секрет. Я суеверный. Да и как загадывать? Мы живем не в лучшие для музыки (для нас, по крайней мере) времена. Я каждый день говорю: «Благодарю Тебя, Господи, что дал мне сегодня отработать».

Но знаю, что работать буду до последнего.

Записала
Лариса МИШИНА